

6.4. Исследование оборонительных сооружений. Материалы городской застройки (Д. В. Дук)

Оборонительные сооружения. В результате прорезок поперечными траншеями склонов Замчища, предпринятыми Вал. А. Булкиным в 1978 г. в южной части Замка, С. В. Тарасовым в 1985 и 1989 г. в южной и западной частях, Д. В. Дуком в 2001 г. в северо-западной части и А. А. Соловьевым в 2008 г. в восточной части Замчища были обнаружены остатки деревянных укреплений и валов XIV–XVII вв. [Булкин, д. № 594, с. 9–11; Тарасаў, 1998а, с. 40–41].

Наиболее полные сведения о конструкции оборонительных укреплений Верхнего замка приводит С. В. Тарасов, которым в 1987 г. была осуществлена прорезка склона Верхнего замка в 50 м западнее Софийского собора. По мнению С. В. Тарасова, обнаруженные им остатки крепостных укреплений можно датировать в пределах диапазона XIV–XVII вв. [Тарасаў, 1998а, с. 41].

Таким образом, в XIV в. территория Верхнего замка по периметру с наружной стороны была обнесена деревянными укреплениями. Они представлены рустовой конструкцией из бревен, глины и камней.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г. Верхний Замок имел мощные оборонительные укрепления в виде городен с девятью деревянными башнями: Устейской, Второй, Освейской, Четвертой, Михайловской, Богородицкой, Седьмой, Восьмой, Софийской. Локализация Устейской башни не вызывает сомнений – она находилась на западной окраине Верхнего замка рядом с устьем р. Полота. Также согласно ревизии четко локализована Освейская башня (северо-западный край Верхнего замка). Из всех указанных башен

особое значение отводилось Восьмой башне, которая являлась воротами к «месту» (Великому посаду) [Тарасаў, 1998а, с. 42].

С. В. Тарасовым была предложена реконструкция расположения оборонительных башен и городен. Городни располагались на расстоянии 5–6 м друг от друга. Шесть башен были расположены парами и отделены тремя-четырьмя городнями: Устейская–Вторая, Михайловская–Богородицкая, Седьмая–Восьмая. В одной из башен каждой пары имелись ворота. Такое расположение башен решало фортификационную задачу – фланкирующим огнем прикрывать ворота или «фортки» как наиболее уязвимые во время атаки неприятеля [Тарасаў, 1998а, с. 44].

В 1579 г. башни, как и раньше, оставались деревянными, сделанными из дуба, каменной могла быть только одна башня (реконструкция проведена С. В. Тарасовым на основании описания Р. Гейденштейна и плана С. Похоловицкого 1579 г.) [Тарасаў, 1998а, с. 45]. Она была расположена в центре площадки Верхнего замка и названа С. В. Тарасовым башней-донжоном. Однако правильнее определить ее как бургфрид (башня, которая выполняла функцию последнего узла обороны), поскольку донжон – это башня, предназначенная в том числе и для жилья.

В 1638, 1647, 1652 г. проблеме укреплений Верхнего замка уделялось внимание и со стороны государства. Данный вопрос был предметом рассмотрения на сеймах Речи Посполитой. В 1654 г. московским воеводой В. Шереметьевым было составлено описание полоцкой фортификации. На Верхнем Замке упомянуты десять башен: Красная (раньше Королевская), Проездная, Гуська, Рождества Христова (Рождественская новая), Бык (ранее – башня-фортка), Новая (Усть-Полоты), Бык (старая Воеводническая), Мошна (новая), Бык (на месте Брусяной), Боярская (старая), а также двое ворот – проездные и «фортка» [Тарасаў, 1998а, с. 46–47].

На протяжении XVIII в. на Замке существовала бастионная система укреплений, которая, изменив внешний вид, осталась прежней по своему назначению [Тарасаў, 1998а, с. 48].

Первоначальные укрепления Нижнего замка (1563–1579 гг.) состояли из семи башен, одна из которых была общей с башней Верхнего замка, а также башни-бургфрида и «фортки». В 1654–1655 гг. на вершине вала был установлен «штакетник-острог» [Тарасаў, 1998а, с. 50–51].

Накопление новых археологических данных и анализ письменных источников позволяют по-новому рассмотреть этапы существования и конструктивные особенности посадских фортеций.

Первые данные о наличии оборонительных укреплений посадков получены во время археологических раскопок 1987–1988 гг. на пл. Свободы [Тарасаў, 1998а, с. 53]. Выявлен фрагмент стены длиной около 24 м. В 2002 г. Д. В. Дуком было открыто продолжение этой же стены в южном дворике бывшего иезуитского коллегиума. Конструкция данной стены подробно описана в специальной работе [Дук, 2005, № 20]. Всего было вскрыто два участка стены. Один – с восточной стороны (район современной пл. Свободы). Здесь стена была выполнена в перекладной (рустовой) технике с ис-

пользованием массивных камней около подножья и деревянных конструкций-городен. Второй – с южной стороны, где зафиксированы исключительно деревянные городни. Было высказано мнение, что эта стена является и самым ранним примером фортификации Великого посада середины XI в., так как огораживала участок окольного города к югу от городища и на восток от р. Полота [Дук, 2005, № 20].

О наличии в Полоцке XI в. системы мощных оборонительных укреплений сказано в двух скандинавских сагах: «Деяния датчан» (рубеж XII–XIII вв.) и «Сага о Тидрике Бернском» (около 1250 г.). Последняя содержит описание конструкции крепостных стен: «этот город так укреплен, что они вряд ли теперь знают как взять этот город. Там мощная каменная стена и высокие башни. Рвы широкие и глубокие, и в городе было большое войско чтобы защитить этот город» [Джаксон, 2001, с. 133]. Приведенная цитата не является исторически точным описанием, однако сам факт, что Полоцк – единственный город из двенадцати известных скандинавам городов Древней Руси, в котором упоминаются крепостные укрепления, кажется значительным [Джаксон, 2001, с. 133]. И можно предположить, что описанные конструкции крепостных стен имеют прямое отношение к окольному городу.

С. В. Тарасовым в 1986 г. были исследованы оборонительные укрепления Заполотского посада XI в. в северо-западной его части, а Д. В. Дуком – в юго-западной его части [Дук, 2007г; Тарасаў, 1998а, с. 59–60].

Конструкция оборонительных стен в юго-западной части Заполотского посада состояла из частокола в один ряд бревен диаметром 0,15–0,20 м. С внешней стороны от стены на удалении 0,4 м были положены лаги диаметром 0,2 м. Лаги, вероятно, использовались как внутривальная конструкция. Оборонительная стена проходила вдоль р. Двина на расстоянии 23 м от обрыва береговой линии. Данных о характере укреплений посада в северо-западной части немного, отмечается только «существование наземных построек (скорее всего жилых)» [Тарасаў, 1998а, с. 60]. Согласно С. В. Тарасову, на втором этапе (XIII – начало XIV вв.) был возведен двойной тын, выкопан ров. В XIV–XVI вв. около подножия стен появилась каменная мостовая.

В начале XVI в. в Полоцке сложилась конфликтная ситуация между мещанами, боярством и духовенством на предмет замковой повинности. Суть конфликта заключалась в том, что полоцкий владыка и бояре считали работы по подсыпке замковой горы и возведение ее деревянных стен обязанностью только тех зависимых от них людей, которые сидели на землях боярских в «месте». Мещане, которые подчинялись городскому магистрату, требовали, чтобы работы по укреплению замка возлагались на боярских и церковных людей из фольварков «за четверть мили и дальше от Полоцка» [БА, 1928, т. 2, с. 192–194]. Этот порядок сохранился, по крайней мере, со времен Казимира (1440–1492) и действовал до введения в Полоцке магдебургского права. После 1498 г. строительство и репарацию замка должны были делать все землевладельцы полоцкого воеводства. Они высылали крестьян с инструментом и лошадьми. Полоцкие мещане исполняли земля-

ные работы по подсыпке земляных укреплений замка и несли замковую службу. Из Указа великого князя Александра от 1502 г. следует, что «город и острог мають мещане стеречи поспол с путники сел(ь)скими; а на границы и по дорогам сторожу от непрятелеи в нинешнии часы валечнии мають вси посполите, как пан Станислав, так и владыка, и бояре, и игуменья, и мещане» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 197–199].

В начале XVI ст. в Полоцке был построен «паркан» – укрепления Великого посада. Это произошло около 1501 г., когда в Полоцке расположился отряд солдат под руководством чеха Чернина. «Служилые» люди Чернина строили паркан, а мещане поставляли дерево [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 215–219; БА, 1928, т. 2, с. 192]. В 1508 г. паркан был сожжен татарами, после чего заново отстроен. В 1513 г. паркан был сожжен московским войском во главе с князем Василием Шуйским. Очередной паркан был возведен около 1516 г. поближе к Верхнему замку на расстоянии в «несколько полетов стрелы» от бывшего паркана. Этот паркан упоминается в деле о продаже огородов на «старом городище в новом заборе» 20 апреля 1517 г. [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432].

В мае и августе 1518 г. московские войска опять сожгли паркан [БА, 1928, т. 2, с. 192–196]. После этих событий население посадов, которое было под властью бояр и духовенства, вынуждено было оставить свои «дворищи» в городе и разойтись. Территорию этих «дворищей» заняли мещане, которые находились под управлением городского магистрата. В 1533 г. в «Ухвалении насыпания горы замковой Полоцка и острогов» зафиксировано катастрофическое сокращение территории Заполотского посада. Когда в начале XVI в. усадьбы полочан были размещены не только в границах посадских укреплений, но и далеко за ними, то в 1533 г. «одно огороды и пашни и гумна на тыхъ местехъ мещаньские суть» [БА, 1928, т. 2, с. 194–195].

Вместе с новым парканом в 1516 г. были отстроены и укрепления Верхнего замка. Такие сведения приводятся в деле о продаже Богданом Тишковичем половины двора в «Новом замке» [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432]. Документ не датирован, однако скорее всего сделка произошла в 1517 г. «Новый замок» – это, очевидно, новые укрепления Верхнего замка, поскольку Нижнего замка в начале XVI ст. быть не могло. Возможно, к этому времени была расширена территория Верхнего замка за счет включения части бывшей посадской территории (на месте так называемых восточных раскопов 1959–1962 гг.).

О конструкции паркана начала XVI в. можно судить только примерно. Археологические данные об этом времени отсутствуют, однако есть свидетельства «Ухваления» 1533 г., что боярскими мещанами «ижъ ни одного кола у в острозе с тыхъ дворищъ не роблено». Таким образом, стена забора представляла собой частокол, который был поставлен на внутренней части рва – «перекопе».

Следующий этап строительства паркана связан с воеводством Станислава Довойно (1542–1563). Сведения о паркане есть в Полоцкой ревизии 1552 г.: «Острогъ около того места былъ роблень з дерева дубового за двема

посады, за Великим и Заполотским, который вжо велми упаль, нижли пан воевода острог знову заложылъ и далее его в поле помкнулъ, который повинни робити по делницам своим вси мещане места Полоцкого и люди князские, панские и землянские, которые в месте мешкають и тежь люди, которые на церковныхъ земляхъ живутъ.

Мещане вси места Полоцкого чергами своими у брамъ устроговых сторожу завжъды чынити и въ замьку кожъдое ночи по улицахъ ходечы огню стеречы повинни» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 30–31].

По мнению Д. Довгяло, упомянутый паркан был построен не раньше 1542 г. [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 225]. На выездных путях паркан имел ворота и охранялся городским караулом. Ревизия засвидетельствовала плохое состояние городских посадских укреплений и их непригодность к организации обороны. Однако во время осады Полоцка войском Ивана IV в 1563 г. паркан был уже хорошо укреплен.

Так, оборонительные укрепления Великого посада определены московскими стрельцами как «очень мощные», паркан был срублен «и всякими крепостми делан» аналогично стене Верхнего замка, ров вокруг острога (посада) был «крепокъ и глубоокъ» [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 104–106; ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 310]. Со стороны р. Двина крепостная стена отсутствовала, однако были упомянуты некие башни над рекой, что свидетельствует о наличии определенных укреплений и со стороны р. Двина.

Таким образом, после 1552 г. оборонительные укрепления Великого посада были приведены в надлежащее состояние. Вместо частокола были установлены срубные городни. Оборонительная стена Заполотского посада, по-видимому, еще существовала, но уже не функционировала, так как яртуолский и сторожевой полки Ивана IV разместились на берегу р. Полота непосредственно около Верхнего замка.

Сегодня известны названия только двух башен Великого посада. Сохранилась копия выписки из актовоей книги за 1553 г., согласно которой в Полоцке размещался дом с огородом на улице, «которая вела от Виленской башни к Смоленской» [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 276]. Упомянутые башни могли принадлежать оборонительной стене Великого посада, учитывая плохое состояние заполотских укреплений. В письменных источниках середины XVII в. уже отсутствует упоминание об этих башнях. На Верхнем замке, согласно Полоцкой ревизии 1552 г., названы Устейская, Вторая, Освейская, Четвертая, Михайловская, Богородицкая, Седьмая, Восьмая, Софийская башни [Тарасаў, 1998а, с. 42]. Фортификационная деятельность московских стрельцов касалась строительства крепостных стен Верхнего и нововозведенного Нижнего замков. Однако в 1563 г. был возведен также и паркан Заполотского посада, который представлял собой деревянную стену, поставленную на земляной вал [Гейденштейн, 1889, с. 58]. Крепостная стена Заполотья предусматривала и наличие рва: «Да и в остроге за Полотою бояром и воеводам изъездити и изсмотрити, которые места выгорело и то место велети заделати Петру (Зайцеву. – Авт.) и Борису (Щекину. – Авт.) накрепко, стены в три или в четыре как будет пригоже, и землю на-

сыпати, и подошвные бои и башни поделати для стенного бою, и рвы старые около стен поделати. А будет в котором месте пригож, рвы и новые покопати» [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004, с. 70–71].

Сведений об оборонительных укреплениях посадов сразу после освобождения Полоцка войском Стефана Батория в 1579 г. нет. После Ливонской войны, во время которой в 1563–1579 гг. Великий посад представлял собой «пепелище», они, очевидно, не были воссозданы.

В 1633 г. произошло восстание горожан против подвоеводы Яна Лисовского и городской рады. Суть конфликта состояла в том, что подвоевода требовал от полочан срочно возвести башню Нижнего замка либо подвести дерево на ее ремонт. Одновременно он требовал, чтобы все жители Заполотья переселились в Верхний замок. Полочане не подчинились требованиям, и наконец московское войско в ночь с 12 на 13 июня «все место Полоцкое и Заполотье сплюдровало и попалило ... также и замок вышний ледво се одержал» [АСД, 1867, т. 1, с. 271–272]. После упомянутых событий многие полочане не желали возвращаться на пепелище, и король Владислав IV выдал грамоту о запрете полочанам оставлять город и селиться на территории, занятой русскими войсками [АСД, 1867, т. 1, с. 276]. В описании дальнейших событий Великий посад нигде не упоминается, фигурирует только Заполотье. Возможно, со времен Ливонской войны до 1630-х годов приоритетной для заселения являлась территория Заполотского посада. Оборонительные укрепления Полоцка в это время окружали только Верхний и Нижний замки 1517 г. [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432].

В 1638 г. мещане начали возводить новый паркан Великого посада. Городской паркан был измерен и соотнесен с подсчитанным в городе количеством «пляцев», владельцу каждого из которых был дан отрезок стены для восстановления: «и где которому будет назначено мейсце, тамъ, а негде инде маеть свой парканъ ставить, а клетки мають быти не клинястые, але vzdлужъ, абы клетками руму много не займовати, а въ клеткахъ мають стояки ставить ...» [АСД, 1867, т. 1, с. 309]. Новый паркан, видимо, был сделан из деревянных клеток.

Постановление магистрата 1638 г. было принято при участии представителей горожан. Однако уже через два года шляхта запретила мещанам, которые жили на шляхетских юридиках, заниматься укреплением паркана [Ткачев, 1987, с. 65].

С сентября 1654 г. до осени 1655 г. по приказу царя Алексея Михайловича полоцкие мещане провели значительную работу по укреплению Великого посада. Около Заполотского посада между р. Двина и р. Полота со стороны поля был вырыт новый ров, и в него с обеих сторон вставлены «на иглах» плотно прилегающие друг к другу бревна. За рвом были поставлены мощные брусья-«надолбы», которые сверху были «проушены», и в эти «уши» продеты клинья, отчего их было тяжело вытянуть из земли и сбросить со столба. Кроме того, Заполотье имело свой старый «острог» – паркан с воротами и «рукавами». Вместе с замковыми укреплениями общая длина

крепостных стен Полоцка превышала в это время 5 км. В итоге Полоцк был преобразован в мощную крепость [Бабятынскі, 2009, с. 307; Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 235–236].

Сообщения Сметных книг Полоцка 1654 г. и Книг приходно-расходных Алексея Михайловича 1654–1655 гг. подробно проанализированы С. В. Тарасовым [Тарасаў, 1998а, с. 54–58]. Крепостная стена Великого посада состояла из восьми башен (Варвары, Мироновской, Ложной, Ильинской, Скарбной, Невельской, Наугольной, Кобыльчиной) и двух форток. Эти башни локализованы на современном плане Полоцка [Тарасаў, 1998а, рис. 71]. О конструкции сооружений можно судить по итогам археологических раскопок на месте расположения Наугольной башни. Нижние венцы башни были заглублены в материк на 0,2 м. К ней примыкали столбы-сваи конструкции клетей. Развал глины, возможно, свидетельствует о наличии в башне печей [Тарасаў, д. № 1422, с. 8].

План Полоцка 1707 г. отображает наличие укреплений (крепостной стены) Великого посада и Верхнего замка (рис. 3: 1, 3). В Заполотье остался только ров, на Нижнем замке – вал. Последнее упоминание Заполотского паркана датировано 1685 г. [Дзярновіч, 2009, с. 70]. Во время Северной войны укрепления посадов (Кривцова, Острова, Заполотского) соответствовали так называемой бастионной системе, наиболее совершенно представленной все же на Верхнем замке. Зимой подходы к городу защищали специально сделанные польны в р. Двина, которые регулярно прочищались [Ткачев, 1987, с. 67]. Планы Полоцка конца XVIII в. фиксируют уже только остатки рва с восточной стороны Великого посада [Тарасаў, 1998а, мал. 3–8].

В актовых книгах полоцкого магистрата XVIII в. сохранились сведения о посадских укреплениях. Так, книга за 1721 г. содержит сообщение о существовании заброшенного паркана, который пересекает ул. Азаровая [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 10, л. 24]. В городской книге 1779 г. встречаются сообщения о городском паркане, который являлся уже не более чем топографической единицей [НИАБ, ф. 2424, оп. 1, д. 1, л. 31об.]. Из этих сообщений можно узнать, что за парканом по трассе ул. Азаровой (современная ул. Коммунистическая) по-прежнему размещались волотовки (курганы) [НИАБ, ф. 2424, оп. 1, д. 1, л. 31об., 45об., 52об., 88–88об.]. Согласно А. Щекатову, который в начале XIX в. оставил записку о городских укреплениях Замка, «вал, окружавший весь город, также весьма унизился» [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1237–1238]. Последняя попытка укрепления городских стен произошла накануне войны 1812 г., когда место полоцкое было лучше приспособлено для обороны», а территория посада была ограждена двойным острогом и рвом [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 238].

Таким образом, сведения из письменных источников о наличии оборонительных укреплений Великого и Заполотского посадов ранее начала XVI в. отсутствуют. Обязанность «Полтеск рубливать», определенная великим князем Казимиром в 1460 г., касалась Верхнего замка [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 214]. Открытые и археологически исследованные С. В. Тарасо-

вым укрепления Заполотского посада «второго этапа XIII – начала XIV вв.», вероятно, были возведены все же в начале XVI в. и через некоторое время подправлены (в письменных источниках упоминается обмазка из глины и вымостка из камней). Именно тогда был вырыт ров («перекоп») и поставлен частокол, следы которого в виде двух материковых траншей были зафиксированы в раскопе 1986 г. В 1654 г. был вырыт ров, усиленный поставленными плотно друг к другу бревнами, часть этого рва была исследована археологически.

Около 1501 г. был возведен паркан Великого и Заполотского посадов, который неоднократно переделывался в первой половине XVI в. и выжигался во время осад московской армией. Паркан первой половины XVI в. представлял собой частокол из бревен, с напольной стороны был вырыт ров. Между 1552–1563 гг. вместо частокола вокруг Великого посада были построены срубные городни. После Ливонской войны новый паркан Великого посада был отстроен только в 1638 г. Паркан представлял собой деревянные клетки. Аналогичная конструкция крепостных стен по археологическим и письменным источниками была и в 1654–1655 гг. В начале XVIII в. сохранился только ров бывшей крепостной стены Великого посада, с того времени посадские укрепления до 1812 г. больше не обновлялись.

Материалы застройки. Гражданская застройка посадов XIV–XVIII вв. достаточно полно охарактеризована в исторической литературе [Дук, 2007г, с. 203–228; 102; Здановіч, 2003; Тарасаў, 1998а, с. 65–66; Тарасаў, 2003]. Основными чертами данной застройки являются использование исключительно дерева в качестве строительного материала до XVII в., в XVII–XVIII вв. – преимущественно дерева (при наличии каменных сооружений). Наблюдается устойчивость занимаемой площади и расположения границ городских усадеб, погонного характера застройки в течение всего изучаемого периода.

В XVI – первой трети XVIII в. в Полоцке преобладали деревянные гражданские и культовые постройки, позже возник и был развит ансамбль каменных храмов и домов.

Согласно ревизии 1552 г., в Полоцке насчитывалось 1515 (или 1513 с учетом уточненных сведений В. А. Воронина) дворов [Варонін, 2000, с. 29], в июле 1654 г. – 839 «жилых дворов», в том числе 782 посадских, 34 пушкарских и 23 дворов знати. Пустых посадских дворов было свыше 900 [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 59].

Сведения о мостах через р. Полота и р. Двина неоднократно упоминаются в письменных источниках XVI–XVII вв.: «Полоцкие мещане... они де мосты мостили, и струги и канаты на живой мост давали, и паромы строили и всякия поделки делали. И въ прошломъ де 165... году, они же мещане, сделали у города рва сто шестесят сажень мерныхъ» (запись 1664 г.) [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 270]. Через р. Полота строили стационарные мосты на сваях [Без-Корнилович, 1855, с. 83], тогда как через р. Двина, по свидетельству Гейденштейна, мосты были «построены по известной системе на понтонах» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 206]. В качестве понтонов использовались корабли-струги, а места, где работали паромы, назывались перевозом.

О существовании моста через р. Двина (стационарного или понтонного) свидетельствует жалованная грамота Стефана Батория на основание в Полоцке иезуитского коллегиума: «для сообщения острова с городом, ...мы даем той коллегии полное право взимать с переправляющихся по мосту, на восстановление его, известную плату, по нашему указу» [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 75]. Этот мост, вероятно, находился напротив Великого посада в районе перекрестка современных ул. Нижнепокровской и Замкового переулкa, где проходила дорога на Вильно, как это указано на плане Полоцка 1707 г. (рис. 3) и плане-реконструкции Полоцка XVI–XVII вв. А. К. Мореля [Иезуиты в Полоцке ... , 2005, ч. 1, вып. 2, с. 8; Чантурия, 2005, рис. 187].

Постановлением магистрата от 8 августа 1635 г. определялась полная регламентация торговли в Полоцке. Торговля осуществлялась в лавках на рынке, при этом места под магазины измерялись на рынке комиссией, которая состояла из представителей магистрата и выборных депутатов из мещан, а сведения о пляцах под лавки записывались в полоцкие магистратские книги. Полоцкий магистрат в данном случае заботился о надлежащем обустройстве города и городского рынка. Показательно, что с целью упорядочения застройки была израсходована крупная сумма денег из городской казны [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Место расположения лавок было огорожено и имело ворота. Сами лавки строго размещались по порядку в соответствии со специализацией торговли. Также размещались городские и частные лавки и в другом месте города. Полочанам запрещалось иметь кладовки возле лавок или возле больших рыночных ворот, не разрешалось выпрашивать у магистрата «магазинные фортки», а магистрат не должен был давать разрешений на их открытие. Места для лавок выделял магистрат. Если места в лавочном ряду не хватало, то магистрат должен был дать желающему другое место, но только на территории рынка, хотя бывали и исключения [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Об ассортименте продаваемых товаров свидетельствует жалоба мещанки Оксаны Васильевой о грабеже ее лавки «в темном ряду» в ночь с 17 на 18 сентября 1656 г.: «въ той краме было найпервей взято грошми готовыми, тоес копейками было золотых дванадцат, шапку подшытую, стояла копь трохъ чырвоную, соболцова, мухаярушь тачьки две, одна барщовой масти, другой десяток панчошok бялокгъловских, а великих панчоx муских суконных парпят, фартухъ саевый новый чорный, прытом поесов сетковых вишневых десятокъ, ладовница аксамиту чорного кгузиков белых крутофаловых тузинов шест, пасков ременныхъ шабелных петнадцат, поесов тежъ ременныхъ полтора десятка, балжы чырвоной листра целая табаки [...] и иншых немало розных речей дробьяком» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 32].

Единицей землевладения в Полоцке, как и в других белорусских городах, являлся «пляц» – участок земли с возведенными на нем жилой и хозяйственной постройками. Ряд пляцев составлял улицу. Обычная усадьба полочанина – это комплекс жилых и хозяйственных построек, куда входили так же двор, забор, колодец и, как правило, огород. Дворы чаще всего были вымощены деревом.

Застройка XIV–XV вв. на месте «восточных» роскопов Верхнего замка определена Г. В. Штыховым между строительными горизонтами III и V. В строительных горизонтах III и IV раскопа II были исследованы жилые и хозяйственные постройки, настилы и дворовые остоколы [Штыхов, 1975, с. 38]. Плотность их распространения соответствовала усадьбам более раннего времени. Однако на месте улицы XIII в. в строительном горизонте XIV в. уже располагалась усадьба. Все это свидетельствует об определенной перепланировке территории Верхнего замка в XIV в. (рис. 61, 62).

Данных о застройке Полоцка в XIV–XV вв. немного по причине отсутствия на большей части посадской территории строительных горизонтов этого времени. Используя метод ретроспекции, можно определить, что в основных чертах застройка Полоцка мало чем отличалась от застройки XI–XIII вв. Открыты комплексы построек XIV–XV вв. на Верхнем замке в пределах строительных горизонтов IV и V [Митрофанов, д. № 203, с. 6–38], постройки ремесленника-костореза XV – первой половины XVI в. на Великом посаде [Дук, 2007а, вып. 2].

Во время археологических исследований на территории Заполотского посада были найдены остатки усадебной постройки XV в.: в шурфе 1 (2003 г.) на глубине 1,0–1,2 м была обнаружена основа печи в виде прямоугольника размерами 1,1 × 0,8 м. Стенки печи имели толщину 0,2 м, высоту 0,3 м и были сделаны из красной глины, извести, камней разных размеров, кирпича и кирпичного щебня. Печь была ориентирована по направлению северо-восток–юго-запад. Устье печи выходило на юго-запад. Рабочая (внутренняя) часть печи занимала пространство размерами 0,45 × 0,75 м. Устье печи имело ширину около 0,2 м. Внутри печи, около устья, сделано основание из четырех камней размерами 10 × 15 см, положенных в один ряд, и двух кирпичей во втором ряду. Был найден фрагмент свода, обрамляющего устье печи. Дуга представляла собой изогнутый оплавленный кирпич, покрытый коричневой стекломассой. Можно определить только толщину дуги – 4 см, предполагаемая длина – 20–25, диаметр внешнего изгиба – около 40 см.

Для строительства печи использовался подручный материал: кирпич вторичного употребления, камни размерами до 0,2 м, при этом какой-нибудь определенной системы в технике строительства не наблюдается. Так, юго-восточная стена была сделана с кирпичей следующих размеров: № 1 – 22 (ширина) × ? × ? см, № 2 – 12 × ? × ? см, № 3 – 10 × ? × ? см, № 4 – 10 × ? × ? см. Кирпич низкого качества, хрупкий, поэтому определить его толщину трудно, часто фиксируется только красное пятно строительного материала в месте залегания кирпича вследствие некачественного его обжига. Заметим, что плохо обожженный кирпич был найден во время исследований фрагментов изразцовых печей XIV–XV вв. в полоцком княжеском тереме [Заяц, 1997, № 12, с. 94]. О размере кирпича печи в Заполотье можно судить по его фрагментам. Во время раскопок культурного слоя около печи был найден кирпич размерами 9,7 × ? × 4,5 см, 8,0 × ? × 4,0–4,5 см и отдельные фрагменты толщиной 3,0 см, 3,5 см и 4,0 см, а также 3,7 см (№ 5). Керамическое тесто, из которого сделан кирпич, однородного красного цвета с примесью круп-

ного (до 0,8 см) песка с камнями. Можно сделать предположение, что для строительства печи вместе с камнями и кирпичом брали плитку шириной 22 см.

При строительстве печи использовались горшковые изразцы (рис. 79: 1). Непосредственно около стен и внутри печи собраны немногочисленные фрагменты в количестве 9 единиц, из них 3 венчика, 2 доньшка, 4 стенки. Венчики горшковых изразцов круглые, их диаметр составляет 14 см, диаметр доньшек – 8 см. Изразцы изготовлялись на ручном гончарном круге при постепенной подсыпке зернистого песка и дресвы, по краю доньшка был сделан бортик высотой 0,5 см. Толщина стенок – 0,7–1,0 см. Керамическое тесто изразцов хорошо вымешано, с примесью мелкой дресвы и песка, черепок светло-розовый, один фрагмент стенки темно-серого цвета. Отсутствие в печи целых изразцов и наличие немногочисленных фрагментов говорит о том, что на определенном этапе печь была старательно разобрана до основания, при этом были собраны даже мелкие кусочки изразцов. Тем не менее на основе найденных фрагментов можно провести реконструкцию внешнего вида горшковых изразцов из печи. За основу реконструкции необходимо взять толщину стенок печи, которая должна быть равна высоте изразцов – 20 см, диаметр венчика и доньшка – 14 и 8 см соответственно.

Основа печи была сделана из темно-серого с красным оттенком суглинка, который образовал своего рода пол. В красную глину добавляли речной песок и известь.

В заполотской печи использовался определенный тип горшковых изразцов, который найден в Полоцке в закрытом комплексе первой половины XIV в. (рис. 79: 2–4) [Заяц, 1997, № 12, с. 93]. В обоих случаях наблюдается совпадение параметров и приемов формовки изразцов. Тем не менее отличие изразцов из Заполотья от изразцов из княжеского терема хоть и не существенное, но все-таки имеется: это цвет обжига (в заполотских изразцах он светло-розовый, а не коричневый). На памятнике Лучно 1 очень близкие по пропорциям и цвету изразцы использовались в печи конца XV – начала XVI в. [Клімаў, 2003а, № 7, с. 148].

Датирование заполотской печи определяется артефактами как непосредственно из нее самой (изразцы, кирпич), так и из культурного слоя около печи (керамическая посуда и бронзовая посуда). Керамическая посуда, собранная непосредственно около печи и в прослойках под ней, датирует печь XV в. Согласно полоцким материалам из закрытых комплексов, такая посуда имеет датировку в рамках XV в. Однако изразцы, найденные в заполотской печи, использовались в Полоцке с начала XIV в. Трудно представить существование печи на протяжении целого столетия. Скорее всего, в XV в. в Полоцке продолжали изготавливать горшковые изразцы, также как во всем северном регионе и в целом по Беларуси [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 322–323].

Находка печи свидетельствует о том, что исследуемая территория северной части современного Заполотья в XV в. являлась местом жительства состоятельных горожан. Предварительно можно определить, что в северной

части Заполотского посада была расположена феодальная усадьба, следы которой (развал изразцовой печи) были зафиксированы во время шурфовки. Подобный тип усадьбы в XV в. по-прежнему назывался «хоромы» [Mienicki, 1931, t. VII, z. 3–4, s. 10].

Согласно письменным источникам, на рынке размещались не только ряды лавок, но и жилые дома [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 51; ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 357]. При этом у рынка селились наиболее влиятельные горожане, как, например, полоцкий бурмистр Криштоф Старимович, дом которого стоял в самом рынке на ряду ул. Батечковой (запись 1667 г.) [ИЮМ, 1895, вып. 26, с. 196]. Возможно, дома были двухэтажные, а первый этаж предназначался для магазина. В тестamente полоцкого бурмистра Давыда Панкова 1559 г. упоминается о принадлежащих ему лавках по двум сторонам в «местницком ряду» на собственной земле: «А которие лавки мои новоустановъленные по обема сторонамъ у местницкомъ ряду на моеи властной земли кромь тыхъ лавокъ, которие на Великий Торгъ стоять...» [Варонін, 2003, с. 39].

Лавка (магазин) представляла собой тип торгового сооружения, прямоугольного в плане, с навесом перед входом. Обычно в одном комплексе с лавкой находились жилые, складские и торговые помещения [Якимович, 1991, с. 359].

Часть одной из улиц была вскрыта в раскопе 2009 г. на пл. Свободы. Характер культурного слоя позволяет определить, что торговый ряд принадлежал представителям мясницкой корпорации XVII в. В раскоп попала только часть одной из лавок – погреб, который был углублен в материковую глину. Присутствие погребов в лавках полочан подтверждается письменными источниками XVII в.

Мостовая, которая была найдена во время раскопок, размещена по направлению северо-запад–юго-восток, что не характерно для меридиальной застройки улиц Полоцка. Рынок имел собственную систему направлений улиц, которые вели от основного въезда со стороны иезуитского коллегиума (современный Замоквый проезд) и окружали площадь возле ратуши.

Усадьба представителей высшего сословия в XVI в. называлась «двор», «дворище», «оселость», «маетность». Согласно выпискам из актовых книг за 1552 г., дворища полочан плотно размещались и на территории Верхнего замка непосредственно напротив собора св. Софии [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 221at.].

Использование в письменных источниках XVI – начала XVII в. при описании домов полоцкого нобилитета терминов «светелка въпокоевая», «упокоец», «изба белая» отражает процесс перехода к новому типу жилых помещений с камерной печью и стеклянными окнами от бытовавших ранее – с глинобитной печью и волоковыми окнами. Термин «светлица» в отношении к полоцкой застройке впервые фиксируется в письменных источниках в первой половине XVI в.: «В Замку ... Мостыку знашоль у светълицы королевъской у великой, а онъ себе на кривомъ столе прилегъ спати по обеде» [Дук, 2007г, с. 200; Судебная книга витебского воеводы ... , 2008, с. 240]. Светлицы являлись местом проживания городского нобилитета, в частно-

сти в светлице проживал царь Иван IV во время похода на Полоцк в 1563 г. [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 313].

В начале XVII в. появляется термин «покой» (комната) в связи с заменой старых воловых окон на стеклянные [Молчанова, 1981, с. 30]. Светлица, комната («упокоец») – это обогретое помещение, в котором жили хозяева, прислуга селилась в «светлицах служных». Из всех частей построек в обозначенное время обогревались только кухни и светлицы [Topolska, 2002, s. 225]. В домах зажиточных горожан двери были из досок (тесаные), столлярной работы, нередко «футрованные» (оббитые досками в разных направлениях для декоративной отделки) [Молчанова, 1981, с. 31]. Такие двери обязательно укреплялись железными завесами с защепками, крючками и были оснащены висячими и внутренними замками.

Жилым постройкам противопоставляется «клеть» – постройка хозяйственного назначения, которая выполняла функцию летнего жилья и обозначала тоже, что и «чулан». Термин «подклеть», или «подклет», обозначал кладовку или хлев для домашнего скота, в отдельных случаях – нижний ярус хоромов. Например, на ул. Спасской в клети Филипа Моисеевича (запись 18 марта 1657 г.) размещались, кроме одежды и других вещей, «на доле в бочце горелки простой кварть двесте девет [...], овса в коробе осмины две [...], в засенах пшеницы солодавой бочки две [...], жыта бочок дванадцат [...], соли полсолонки» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 272–273об.].

Из других хозяйственных построек в Полоцке упоминаются «схованье для сена», «шопа для возов», «стайня», «свирен на подклете», «пекарня», «спижаренка простая, то есть лазня», «бровар», «пивница». Полочане обладали собственными складами для хранения разных товаров [Дук, 2007г, с. 207–208].

Известно, что в Полоцке, как и во многих белорусских городах, существовала «баня посполитая». Кроме построенной в 1498 г. «посполитой бани» на некоторых усадьбах полочан строились частные бани, которые представляли для города определенную опасность из-за возможности их внезапного возгорания. О том, какую конструкцию имели бани, можно предполагать, принимая во внимание только косвенные данные. Согласно привилею Полоцка на магдебургское право, полочане «мають убудувати ку вжитку местскому лазню посполитую, где местце оберуть подобное» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 156]. Ее подробного реестра не сохранилось, однако по аналогии с могилевской городской баней можно определить, что она была деревянной, двухкамерной, состояла из горницы (моечной) и кладовки (парилки). В каждом помещении находилось по печке, при этом печь в парилке была сделана из камня, кирпича и железа, сверху лежали камни, а сама печь была установлена на деревянном опечке [Марзалюк, 1998а, с. 40]. Вероятно, баня имела стеклянные окна и оштукатуренную извостью трубу-дымоход, в моечной находились бочки с холодной водой, большой котел для кипятка, шайки, веники и мыло. В бане можно было побраться и выпить пива.

Воевода Станислав Довойно приказал штрафовать мещан за то, что они имеют пивоварни и бани в своих дворах. Он же приказал разбирать и выносить из замка мещанские дома [Варонін, 2000, с. 86–87]. Такие жестокие меры объяснялись тем, что пожары были настоящим бедствием для полочан и часто приносили больший вред, чем неприятельские войска. Известно, например, что во время пожара 1643 г. выгорел весь Полоцк, а во время пожара 1683 г. погибло много жителей города [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 257].

Полочане владели собственными складами для хранения разных товаров, по крайней мере, один из них упомянут в 1650 г. Склад полоцкого райцы Яна Сергеевича, находился на Великом посаде «в самом паркане», напротив дома хозяина. В 1650 г. полоцкому мещанину Михаилу Гапоновичу разрешалось иметь колодец и пивоварню за городскими укреплениями, над р. Двина, там, где размещался его овин [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 199, 212].

Еще одна категория недвижимости упоминается в письменных источниках XIV–XVII вв. – это полоцкие мельницы. Как минимум две мельницы находились на р. Полота, одна – напротив западного мыса Верхнего замка (Мошны) [Тарасаў, 1998а, с. 72]. Насыпи на его месте визуальнo фиксируются даже сегодня. Мельница упоминается в привилее Сигизмунда I 1510 г. (1509 ?) [БА, 1928, т. 2, с. 196]. Еще одна мельница принадлежала Борисоглебскому монастырю и располагалась на р. Бельчица (подложная грамота Ярослава Изяславовича 1396 г.), эта же мельница на р. Бельчица упоминается во вводном листе 16 июля 1623 г. [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 10; ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 358–361]. Археологические данные об их конструкции отсутствуют.

Согласно привилею 1510 г. (1509 ?), Сигизмунд I разрешил полочанам построить четыре гостиных двора. Количество построенных гостиных домов неизвестно, поскольку Полоцкая ревизия 1552 г. упоминает только один гостинный двор [Варонін, 2000, с. 44]. В грамоте Алексея Михайловича полоцким мещанам 1657 г. помечается, что «гостинь де дворъ въ Полотеске тесень, приезжимъ торговымъ людемъ изместиться негде» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 78], для построения гостиного двора было отдано «пустое ратушное место по малую улицу». Гостиные дворы археологически не выявлены.

К постройкам общественного назначения XVI в. относились также амбары в Мошне и Богородицкие, а также «важница» и «капница для воска», упомянутые в привилее Полоцку на магдебургское право 1498 г. [Тарасаў, 1998а, с. 71]. Они размещались где-то в непосредственной близости к полоцкому рынку на Великом посаде.

По аналогии с другими белорусскими городами крыши полоцких деревянных строений крыли гонтом и дранкой. Согласно Паулю Одеборну, крыши деревянных церквей на Полотчине в 1580-е годы крылись гонтом [Сагановіч, 2005, т. 12, сш. 1–2 (22–23), с. 169]. Кирпичные строения в XVIII в. имели крыши, покрытые керамической черепицей. Отдельные деревянные строения, например корпус иезуитского коллегиума в XVII в. неоднократно

горели [Габрусь, 2001, с. 163], в результате чего в культурный слой могли попасть фрагменты черепицы.

Форма крыш большинства строений была двускатная, о чем свидетельствуют иконографические материалы. Самые ранние из них – это планы С. Похоловицкого 1579 г. На рисунке «Осада Полоцка королем Стефаном Баторием» показаны Верхний и Нижний замки [Тарасаў, 1998а, с. 10–14]. Кроме оборонительных башен и городен, на плане довольно детально изображены дома горожан и культовые постройки (рис. 2). Понимая, что полностью доверять реалистичности изображений С. Похоловицкого нельзя, выделим общие черты внешнего вида строений, которые, безусловно, присутствуют. Большинство строений на планах двухэтажные [Тарасаў, 1998а, с. 14]. Это могли быть двухъярусные светлицы на подклетах. Дома имеют двускатные крыши, а оборонительные башни – шатровую форму крыш, и только отдельные – двускатную.

Согласно рисунку С. Похоловицкого, территория Верхнего замка была плотно застроена, что, кстати, подтверждается археологическим материалом – даже в непосредственной близости от Софийского собора исследованы остатки строений XVI в. Однако вряд ли большинство домов на Великом посаде в XVI–XVIII вв. были двухэтажными, это допустимо только для Верхнего замка – традиционного места проживания городского нобилитета.

Массовая посадская застройка Полоцка XVI–XVIII вв. являлась объектом специального исследования [Дук, 2007г, с. 222–227]. Основные ее черты следующие: 1) строительный материал – дерево; 2) относительно небольшая площадь жилых построек (от 17,5 до 35 м²) и всего предусадебного комплекса (от 100–160 до 300 м²); 3) непродолжительное время существования строений (от нескольких лет до двух-трех десятилетий).

Воспроизводство массовой гражданской застройки в XVI–XVIII вв. оставалось довольно консервативным: на месте старых строений возводились новые, которые нередко повторяли очертания предыдущих построек. На протяжении XVI – первой половины XVIII в. размеры и размещение строений, планировка улиц существенно не менялись. Только во второй половине XVIII в. наблюдается увеличение площади зданий и распространение фундаментов на каменной основе.

Первые сведения о существовании каменниц (каменного жилья) относятся не ранее чем XVII в. Документ от 10 февраля 1676 г. содержит письмо «Przyznanie listu zapisu przez sławetnego pana Stanisława Cychanowicza burmistrza połockiego danego zięciowi jego Panu Łukaszowi Sitnianowiczowi Raycy miasta Połockiego u małżonce jego Paniey Łucyi Cyhanowiczownie» от 23 января 1676 г. В письме упоминается каменница на ул. Великой: «...pewną summę pieniędzy, to jest złotych pięcseth polskich, na kamienicy tu, w miescie Połockim, na ulicy Wielkiej stojącey, którą trzymam w niemałym długu mnie winnym od nieboszczyka pana Piotra Rozczewskiego, burmistrza połockiego...» («определенная сумма пенезей, это значит пятьсот польских золотых, на каменницу тут, в месте полоцком, на улице Великой стоящей, которую держим в немалом долгу мне виновной от покойника пана Петра Разчевского, бурмистра полоцкого») [НИАБ, ф. 1823, оп. 2, д. 3, л. 29об.].

Археологами были вскрыты фрагменты двух кирпичных домов разного времени, которые являлись каменицами [Здановіч, д. № 1213а]. Первый был построен не позднее середины XVII в. и имел пол из керамических плиток, богато оформленную изразцовую печь и стены, сложенные из кирпича-пальчатки. Через некоторое время на его месте был построен другой дом, который повторял очертания первого. Площадь обоих домов была не менее 48 м². Не исключено, что дома были двухэтажными, а раскопанный первый ярус являлся магазином.

Дом XVIII ст. на мощном кирпичном фундаменте с подвалом найден Д. В. Дуком во время наблюдения за строительными работами на ул. Нижнепокровской, 7 (подножие восточной части Верхнего замка).

Последние археологические исследования, проведенные на месте расположения так называемого домика Петра I, убедительно подтвердили закладку этой «каменицы» раньше официально признанной даты его возведения (1692 г.) [Слюнченко, 1988, с. 26]. Было установлено, что в XVII в. дом располагался на угловом пляце возле пересечения двух улиц (одна из них — ул. Вознесенская), фасадом дом был ориентирован на запад.

Согласно актовой книге за 1702 г. на ул. Великой находился дом хорунжего и витебского подвоеводы, который состоял из кладовки, белой избы, к дому вели большие ворота [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 261].

После войны 1654–1667 гг. были возведены первые кирпичные корпуса «старого иезуитского коллегіума» Эти корпуса, сложенные из кирпича, вместе с каменицей на современной ул. Нижнепокровской, 7, имели большую толщину стен, возможно, выполняли и фортификационную функцию, образуя вторую ярус обороны Верхнего и Нижнего замков [Салауёў, 2009б, с. 71, 78].

Тем не менее единичность археологических открытий и сведений письменных источников не позволяют отметить массовый характер каменной застройки в XVII в. Эта ситуация не изменилась, даже ухудшилась к концу XVIII в., поскольку, согласно письменным источникам, в 1780 г. в Полоцке было 360 деревянных домов и ни одного каменного [Шайкоў, 1996, с. 148]. Однако уже в середине 1780-х годов в Полоцке насчитывалось около 750 домов, в том числе 16 больших каменных построек. Быстрые темпы строительства объясняются изменением статуса города, ставшего центром наместничества (1778–1796) [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 77–78].

Большие деревянные дома в XVII–XVIII вв., как правило, были двухсрубными, где один сруб имел значительно большую длину, чем другой, приставленный к нему перпендикулярно. Эти строения имели крыльцо, изразцовые печи с трубой-дымоходом, освещенные комнаты, окна больших размеров и пристройки возле задней стены [Красьянскі, 1928, с. 54].

На рубеже XVIII–XIX вв., по данным Российского географического словаря, дома в Полоцке были «простые деревянные», каменных мещанских домов было 19, регулярная каменная застройка только начиналась [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 1, отд. 1, с. 1238].